

Д. С. ЛИХАЧЕВ

РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ В ТРУДАХ А. А. ШАХМАТОВА¹

Наука о русском летописании насчитывала до Шахматова более ста лет своего существования; над русской летописью работали многие лучшие русские ученые, но лишь с работами Шахматова явились выводы, прочно вошедшие в обиход науки. Исследования Шахматова как бы заслонили собою все предшествующие работы по летописанию. По существу именно Шахматов является создателем современной науки о русском летописании. Развитию этого положения и будет посвящен мой доклад.

Наиболее важная заслуга Шахматова состоит в изучении позднего русского летописания XIV—XV веков.

Если в области изучения Повести временных лет Шахматов имел таких сильных предшественников, как И. И. Срезневский, К. Н. Бестужев-Рюмин, М. Н. Сухомлинов и мн. др., то в изучении позднейших летописных сводов, в изучении русского летописания XIV—XV вв. Шахматову пришлось войти в область нетронутого материала. Позднейшие русские летописи не были изучены как своды. Сложный, переплетающийся материал московских сводов, казалось, не поддавался разъяснению. Даже превосходная работа А. Попова о таком частном материале, как хронографы,² не раскрывала взаимоотношений отдельных списков и редакций. Тем поразительнее успех, одержанный Шахматовым в распутывании сложной сети позднейшего летописания. Выводы Шахматова, касающиеся и хронографов и московских сводов XIV—XV вв., оказались прочными. Они не вызвали особых возражений со стороны обычных оппонентов Шахматова и не были существенно изменены в работах его последователей и подражателей.

Насколько точными были выводы Шахматова в отношении позднего летописания, может быть показано на следующем примере. Изучая сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел № 20—25, в начале которого находится летопись, названная Карамзиным Ростовскою, Шахматов нашел, что она представляет собою слияние Новгородского свода, составленного в 1539 г., и Московского, составленного в 1479 г.³ Позднейшие открытия полностью подтвердили этот вывод Шахматова. Шахматову удалось найти впоследствии рукописи, отдельно отразившие и этот Новгородский свод 1539 г. и Московский свод 1479 г. Новгородский свод 1539 г. был обнаружен Шахматовым в рукописи публичной библиотеки в Ленинграде (F. IV 238), Московский же свод 1479 г. Шахматов нашел позднее в так называемом Эрмитажном списке № 416-б той же библиотеки. Впоследствии М. Н. Тихомиров нашел еще один список свода 1479 г. (Государственный исторический музей, Уваровская, № 1366).

¹ Доклад, прочитанный на сессии Отделения литературы и языка и Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященной памяти академика А. А. Шахматова, в Ленинграде 14 июня 1946 г.

² А. Н. П о п о в, Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, М., 1866, вып. II, М., 1869.

³ См. работу А. А. Ш а х м а т о в а, «О так называемой Ростовской летописи», М., 1904.

Вряд ли можно привести другой пример, когда бы указания ученого филолога оправдывались с такой точностью непосредственным открытием предполагаемых рукописей. В этом отношении открытие Новгородского свода 1539 г. и Московского свода 1479 г. напоминает известный случай с открытием Леверье планеты Нептун: вначале существование этой планеты было доказано математическими вычислениями, и только затем Нептун был открыт непосредственным наблюдением.

Заслуга Шахматова в области изучения позднего летописания, кроме того, состоит в том, что он вообще ввел в оборот науки целый ряд новых летописей, из которых некоторые заслуживают того, чтобы быть названными первоклассными.

Открытия Шахматова тем поразительнее, что все основные русские летописи были обнаружены еще в XVIII и начале XIX в. Вторая половина XIX в. не дала ни одного сколько-нибудь значительного открытия новых летописей. Казалось, что открытия новых летописей исчерпаны, что ни в частных руках, ни в государственных архивах не может уже найтись новых важных своим текстом летописей. И вот стоило Шахматову начать работу по летописанию XIV—XV вв., как им сразу же были обнаружены новые первостепенной важности намятники летописания. Кроме уже упомянутых, назову две летописи: Симеоновскую и Ермолинскую.

Симеоновская летопись была найдена Шахматовым среди дефектных рукописей Библиотеки Академии Наук и названа им по имени одного из бывших владельцев—справщика Никифора Симеонова.

Симеоновская летопись особенно важна тем, что с ее начала (с 1177 г.) и по 1390 г. (за некоторыми исключениями) она представляет текст сгоревшей в Московском пожаре 1812 г. древнейшей московской пергаментной летописи 1409 г.—так называемой Троицкой. Таким образом с открытием Симеоновской летописи явилась возможность восстановить текст этой важнейшей для русской истории погибшей летописи. Работа эта и была начата Шахматовым (черновики ее хранятся в Архиве Академии Наук СССР), закончена же она была М. Д. Приселковым.

Симеоновская летопись является в настоящее время основным летописным источником для московской истории XIV в., вообще бедной историческими источниками.

Мало того, текст Симеоновской летописи, как оказалось, восполняет многие пропуски в тексте Лаврентьевской летописи. Благодаря этому в будущем научном издании Лаврентьевской летописи Симеоновская будет принята в качестве основного подсобного списка (в своем издании Лаврентьевской летописи академик Карский, к сожалению, упустил эту возможность).

Не менее важно и открытие Шахматовым Ермолинской летописи, составленной в 1472 г. для замечательного русского строителя В. Д. Ермолина. Ермолинская летопись очень важна и для московского и для ростовского летописания второй половины XV века.

Наконец, среди заслуг Шахматова следует особенно подчеркнуть издание им отдельных списков русских летописей. Многие летописи были впервые изданы Шахматовым, многие впервые были им изданы научно. Приемы Шахматова в издании летописей до сих пор являются в полном смысле этого слова образцовыми. Он далеко оставил позади своих предшественников, основав издания летописей на строгом изучении генеалогии списков.

Неизданные материалы Шахматова к изданию летописей показывают, с какою тщательностью велось им подготовительное изучение списков. Тома Полного собрания русских летописей библиотеки Шахматова испещрены его заметками, основанными на сличении списков (иногда неизданных). Они, а также его многочисленные дневники занятия летописями, хранящиеся в Архиве АН СССР, наглядно показывают, как глубоко

ошибался С. А. Бугославский, когда в своей работе о Повести временных лет⁴ подозревал Шахматова в том, что выводы его работ строятся на немногих текстовых наблюдениях.

Вторая по важности заслуга Шахматова в изучении русских летописей—это разработка вопросов начального летописания.

Здесь мы сталкиваемся с целым рядом особенностей работ Шахматова, которые требуют пристального внимания. Сам Шахматов всегда считал изучение Повести временных лет своей основной задачей. Повесть временных лет была его любимым чтением в отрочестве; с Повести же временных лет начал он и свои научные изыскания. Первые работы Шахматова по летописанию все были посвящены его начальным этапам. Затем он убедился в том, что для решения вопросов начального летописания надо охватить все списки, содержащие текст Повести временных лет, в том числе и поздние. Он обратился к изучению поздних летописей и затем только, обогатившись и новым материалом и новым уточненным методом (об этом я еще скажу), вновь обратился к Повести временных лет, чтобы, начиная с 1908 г., дать ряд грандиозных обобщающих работ о начальном русском летописании с привлечением материала всех русских летописей и многих внелетописных литературных произведений.

Выводы Шахматова по древнейшему русскому летописанию вызывали иногда резкие нарекания его оппонентов. Смущало то большое место, которое отводилось именно в этих исследованиях Шахматова гипотетическим построениям. Эти гипотезы казались слишком смелыми и чрезмерно детализированными. Шахматов дословно восстанавливал утраченные литературные произведения и летописные тексты XI—XII веков.

Следует, однако, сказать, что степень гипотетичности выводов Шахматова в вопросах древнейшего летописания очень сильно колеблется. Так, например, большой силой убедительности отличается аргументация Шахматова в пользу того положения, что в начале Новгородской первой летописи младшего извода находится свод, более древний, чем Повесть временных лет—так называемый Начальный. Это положение лежит в самой основе всей реконструкции Шахматовым древнейшего летописания. Оно то именно и явилось его исходной точкой. Публикуемая работа Шахматова о Начальном своде в «Шахматовском сборнике» под редакцией акад. С. П. Обнорского даст возможность судить об этой гипотезе Шахматова с большей полнотой, чем это мы могли сделать до сих пор.

Очень показательна, что мысль о том, что летопись, читающаяся в начале некоторых новгородских летописей, древнее Повести временных лет, была высказана одновременно с Шахматовым и независимо от него Филевичем⁵. Таким образом и здесь мы имеем дело с яркой аналогией к открытиям в области точных наук: точные науки знают немало примеров одновременного, независимого друг от друга рождения идей у разных лиц.

Большой убедительностью отличаются также все аргументы Шахматова в пользу существования свода Никона—1073 г. В этом отношении я вполне согласен с мнением М. Н. Тихомирова, высказанным им в «Источниковедении истории СССР»⁶. В пользу существования того же свода Никона дополнительные соображения были высказаны покойным В. Л. Комаровичем⁷ и покойным Н. Ф. Лавровым, к сожалению не опубликовавшими их.

Наиболее слабое звено во всей системе выводов Шахматова—Древнейший свод 1039 г. Не случайно, что именно концепция самого начала русского летописания была подвергнута критике академиками В. М. Истриным и Н. К. Никольским.

⁴ В сб. «Старинная русская повесть», М., 1941.

⁵ И. Филевич, История древней Руси. Варшава, 1896, стр. 367.

⁶ М., 1940, стр. 54.

⁷ История русской литературы, т. I, изд. Института литературы АН СССР, стр. 269 и сл.

Необходимо, однако, отметить, что сам Шахматов постоянно подчеркивал гипотетический характер своих построений. Шахматов резко осудил работу М. Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» за то, что в ней непосредственные исторические источники оказались заслоненными гипотетическими выводами Шахматова¹⁸.

Вместе с тем, надо иметь в виду и следующее. Главную ценность в «Разысканиях» о древнейших русских летописных сводах Шахматова представляют даже не самые конечные их выводы, а многочисленные, поражающие своей остротой отдельные наблюдения над текстом. Эти наблюдения несомненно войдут в науку прочнее, чем самые выводы, к которым сейчас по преимуществу приковано внимание читателей Шахматова и его многочисленных интерпретаторов. В самом деле, история изучения Повести временных лет показывает, что частные наблюдения над текстом иногда гораздо прочнее обобщающих построений, остаются в научном обороте дольше. Что, в самом деле, осталось от общих представлений о летописи Погодина, Беляева, Иловайского и др.? Их общие выводы о летописи имеют только историографический интерес. Между тем наблюдения над текстом Повести временных лет тех же Погодина, Беляева, Иловайского прочно сохраняются, с ними вынуждены считаться все исследователи Повести временных лет.

Приведу примеры отдельных очень острых наблюдений Шахматова над вставками в Повести временных лет.

Шахматов обнаруживает эти вставки путем логически смыслового разбора летописного рассказа. Так, например, Шахматов замечает, что летописец, рассказав о трех мѣстях Ольги древлянам, заключает этот рассказ словами «и победиша Древляны». Казалось бы, после этих слов следует ожидать сведений о той дани, которую Ольга возложила на побежденных. Но оказывается, что с древлянами не все покончено: древляне затворяются в своих городах, после чего летописец рассказывает снова о победе Ольги над уже однажды побежденными древлянами — о ее четвертой мести. И только после этого уже следуют слова «и возложиша на ня дань тяжьку». Ясно, что рассказ о четвертой мести Ольги древлянам искусственно вставлен в летописный текст, разорвав его логическое течение.

Или еще пример вставки. В 971 г., видя убыль в своей дружине, Святослав решает вернуться из Византийских пределов за новым войском: «пойду в Русь, — говорит он, приведу боле дружины». И он действительно исполняет свое решение: «пойде в лодях к порогом». Но между рассказом о решении продолжать войну с новым войском и рассказом об исполнении этого решения находится повествование о заключении Святославом победоносного мира с греками и обширный текст выгодного для русских договора. Ясно, что и здесь мы имеем дело со вставкой.

Вставки в тексте Повести временных лет обнаруживаются, однако, не только анализом логики повествования, но они реально подтверждаются сличением списков. Шахматов отнюдь не ограничивался смысловым анализом текста. Мы видели выше, что смысловым анализом текста Повести временных лет Шахматов обнаружил вставку в рассказе о мѣстях Ольги, вставку четвертой мести. И действительно, именно так, как было предположено выше, т. е. без четвертой мести, рассказ о мѣстях Ольги читается в Новгородской первой младшего извода (где в начале находится свод, предшествовавший Повести временных лет). Повествование разверты-

¹⁸ «Автор должен был бы стать в теснейшую и непосредственную связь с основным для него источником — русской летописью, между тем он поставил между этим источником и собой мое исследование о древнейших русских летописных сводах. М. Д. Приселков идет при этом настолько далеко, что редко ссылается на Лаврентьевский или Ипатьевский списки, излагая события X и XI вв.; летописные тексты приводятся им по моему предположительному чтению (напр. стр. 55, 56). Разумеется само собой, что исследователь не только может, но и должен считаться с предшественниками и результатами их работ. Но отношение к ним должно быть прежде всего критическим», Новый исторический журнал, 1914, № 4, стр. 45.

васия здесь логически: «и победиша древляны и возложиша дань тяжьку», т. е. именно так, как, по предположению Шахматова, должно было читаться в своде, предшествовавшем Повести временных лет. Точно также отсутствует в младшем изводе Новгородской первой летописи и договор Святослава с греками, который, как указывалось выше, разорвал фразу: «И рече: поиду в Русь и приведу боле дружине; и поиде в лодьях».

Возьмем другой пример необыкновенной остроты наблюдений Шахматова—анализ им рассказа о крещении Владимира, читающегося в Повести временных лет. Путем логически-смыслового анализа текста Шахматов выяснил, что в основе летописного рассказа лежат два слитых вместе рассказа о крещении Владимира: в одном говорилось о его крещении в Киеве в результате «испытания вер», а в другом о крещении его в Корсуни как условия женитьбы на сестре византийского императора. К тому же выводу Шахматов пришел и другим путем: отдельный рассказ о крещении в Корсуни Шахматов нашел в «Житии Владимира особого состава» в Плигинском сборнике, а рассказ о крещении в Киеве—в «Памяти и похвале князю русскому Володимеру...» (в кратких извлечениях из какой-то древней летописи). Следовательно, Шахматов подвергает источник «перекрестному допросу» с разных сторон, разными методами и в результате получает наблюдения большой убеждающей силы.

Таким образом наблюдения Шахматова очень сложны, «комплексны». К тексту он подходит с разных сторон: грамматически, исторически, логически, путем сличения списков и т. д. Наблюдения Шахматова как раз и рождаются в результате сопоставления всех этих точек зрения. Текст летописей у Шахматова получает своеобразную «глубину» и эта «глубина» не всегда может быть воспринята «одним глазом». Только разные дополняющие друг друга точки зрения дают наблюдению необходимую стереоскопичность.

Собственно логически-смысловой анализ текста редко выступает у Шахматова в одиночку. Это только один из подходов к наблюдаемому месту текста, которое он как бы «засекает» на пересечении разных линий наблюдений: логически-смысловых, чисто текстологических, исторических и т. п.

Напомню еще о другом типе наблюдений Шахматова над текстом Повести временных лет—наблюдениях над хронологией. Шахматов, например, блестяще показал ошибочность первой хронологической даты Повести временных лет—852 г. и показал источник этой ошибки⁹.

Я привел несколько наблюдений Шахматова над текстом, но таких наблюдений у Шахматова огромное количество. Можно давать этим наблюдениям то или иное объяснение, соглашаться с Шахматовым или не соглашаться в его выводах из них, но самые наблюдения Шахматова остаются, с ними невозможно не считаться.

Замечательно, что те из оппонентов Шахматова, которые внимательно изучали его аргументацию, в сущности возражали не столько против отдельных наблюдений Шахматова, сколько против построенной на их основе Шахматовым системы, против конечных выводов его исследований.

Наблюдения Шахматова так обильны, так остры, что иногда кажется, что материал Повести временных лет прямо исчерпан ими. В самом деле, обратите внимание на следующее обстоятельство. Все, писавшие о начале русского летописания—акад. Истрин, акад. Никольский, М. Д. Приселков, В. Л. Комарович, в сущности новых наблюдений над текстом Повести временных лет не дали. Они привлекали лишь новый внелетописный материал и давали наблюдениям Шахматова новую интерпретацию (это главным образом относится к двум первым исследователям).

⁹ Исходная точка летоисчисления Повести временных лет, Журнал Министерства народного просвещения, № 3, стр. 217—222.

Благодаря этому создано парадоксальное положение: как будто бы была исчерпана самая возможность наблюдений, как будто бы после ослепительного света, которым Шахматов осветил текст Повести временных лет, глаз исследователей перестал его видеть.

Таким образом «Разыскания» Шахматова в области древнейших русских летописных сводов ценны главным образом именно как разыскания, т. е. своими обильными и убедительными наблюдениями. Общие же выводы Шахматова о древнейших сводах не могут и не должны рассматриваться недифференцированно—«скопом». Их нельзя отрицать или принимать все целиком. Они обладают разной степенью убедительности.

Наконец, следует остановиться и еще на одной стороне исследований Шахматова по летописанию—на его методе. Метод Шахматова всегда привлекал обостренный интерес—и при его жизни, и после его смерти. Вопрос о методе Шахматова не утратил своей актуальности и сейчас: до сих пор о нем ведутся горячие споры. Эти споры носят по большей части бесплодный характер. Бесплодность этих споров объясняется в первую очередь тем, что не все из спорящих действительно читали Шахматова: читать Шахматова трудно, на это надо потратить месяцы и годы напряженного труда. Затем, для решения вопроса о методе Шахматова надо изучить рукописи Шахматова и прежде всего его многочисленные дневники занятия летописями: именно здесь можно найти материал для решения вопроса о том, каким методом работал Шахматов и достаточен ли его метод.

Само собой разумеется, что осветить все вопросы, связанные с методом изучения Шахматовым летописания, в кратком докладе невозможно. Я хотел бы поэтому обратить внимание лишь на некоторые стороны этого вопроса.

Прежде всего следует заметить, что известная шаткость выводов Шахматова в вопросах начального русского летописания отнюдь не зависит от каких либо особенностей (недостатков) его метода.

Метод Шахматова, отдельные искусные приемы анализа летописных текстов были выработаны им главным образом на материале позднего летописания. Таковы приемы систематического сличения списков, выяснение вставок путем установления дублировок, анализ хронологии, анализ описок, извлечение хронологических указаний из встречающихся в летописях перечней и списков (князей, митрополитов, посадников, русских епархий) и т. д. Все эти «приемы» были выработаны Шахматовым при изучении общерусских сводов XIV—XV вв., в работах над Сименовской, Ермолинской, так называемой Ростовской летописями, Супрасльским списком, Радзивилловской летописью и т. д. Здесь метод Шахматова дал бесспорные результаты, и никто из исследователей никогда не поднимал вопроса о недостаточности метода этих работ Шахматова.

Тот же самый метод был применен Шахматовым и к начальному русскому летописанию. Следовательно, если в разработке вопросов начального русского летописания выводы Шахматова не оказались в той же мере бесспорными, то дело здесь не в методе, а в недостатке самого материала. Ведь в выяснении вопросов начала русского летописания (XI в.) Шахматову приходилось обращаться к спискам, древнейшие из которых относились только к концу XIV в. Решительно все построения всех исследователей о начале летописания отличаются той же гипотетичностью, или даже значительно большею.

Значит ли это, однако, что следует вообще отказаться от попыток представить себе начало русского летописания? Думаю, что нет. Ведь гипотезы свойственны всем наукам, в том числе и эмпирическим, свойственны они и такой точной науке как математика. Гипотезы будят исследовательскую мысль, а в конце концов приводят к открытию уже конкретных, реальных фактов, как это, например, и имело место у Шахматова при открытии свода 1539 г. и свода 1479 г.

Шахматов остро ощущал недостаток материала по древнейшему русскому летописанию. Вот почему он всячески стремился вовлечь в свое исследование все новый и новый материал. Свое исследование о древнейшем летописании Шахматов строил с привлечением огромного количества памятников. В «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» Шахматов помимо основных летописных списков (Лаврентьевского, Ипатьевского и сходных) опирался также на поздние летописи (Никоновскую с ее неизученными источниками, Новгородскую первую и мн. др.), опирался на польских историков, пользовавшихся неизвестными списками русских летописей (Длугоша, Стрыйковского), опирался на большое число внелетописных памятников, на данные византийских хроник, и т. д. Ни один из исследователей до Шахматова и после него не привлекал в решении вопросов древнейшего летописания такого широкого материала, для того чтобы восполнить им отсутствие древнейших списков летописей.

В связи с этим привлечением огромного, самого разнообразного материала к построению общей картины древнейшего летописания необходимо указать на следующую важную особенность гипотез Шахматова.

Характеризуя метод лингвистических работ Шахматова, Л. В. Щерба писал об исключительно большом «объеме сознания» Шахматова, о его «поразительной способности держать одновременно в сознании или в сферах к нему близких громадное количество представлений»¹⁰, сочетавшейся в нем с необыкновенной силой научного воображения. «... у большинства ученых...,— писал Л. В. Щерба,—системы, ими создаваемые, покрывают лишь часть фактов, и в большинстве случаев остается некоторый больший или меньший *residuum*, который ими сознательно или бессознательно игнорируется. Они интуитивно угадывают сущность явления на основании зачастую ничтожного числа фактов, предоставляя времени и другим объяснять так называемые «исключения», или по крайней мере часть их, или вообще все, не вошедшее в их систему. Не то мы видим у Алексея Александровича: у него решительно все факты находят себе место и объяснение в его системах и при том зачастую оказываются нанизанными на разветвления одной и той же идеи»¹¹.

Эта исключительная обобщающая сила сознания Шахматова сказалась в изучении им летописи. Шахматов всегда мыслил широкими обобщениями, в которые, как в сложную систему, входило огромное количество отдельных фактов. В изучении летописных списков Шахматова прежде всего интересовало их место в общей истории русского летописания. Поэтому отдельные выводы Шахматова всегда были связаны друг с другом крупной обобщающей картиной всего русского летописания в целом.

Уже в первых статьях по истории русского летописания, начавших выходить как-то сразу, Шахматов дал обобщающую схему истории русского летописания. Очевидно, что выводу первых работ Шахматова, посвященных летописи, должна была предшествовать напряженная работа по изучению всех доступных тогда списков русских летописей. Прежде чем опубликовать результаты отдельных исследований, Шахматов создал себе общее представление о всем ходе русского летописания, о соотношениях отдельных списков, сумел удержать их все в «огромном объеме» своего сознания и, только проверив отдельные наблюдения этой общей своей концепцией, а также проверив свою концепцию множеством частных фактов, счел их доказанными.

Шахматов никогда не исходил в своих построениях из одного или нескольких соображений: аргументация Шахматова всегда чрезвычайно разветвлена и насыщена. Все исследования Шахматова находятся между собой в тесной связи, представляют собой единое целое и поэтому отдель-

¹⁰ ИОРЯС, т. XXV, за 1920 г., 1922, стр. 97.

¹¹ ИОРЯС, т. XXV за 1920 г., 1922, стр. 97—98.

ные статьи не могут раскрыть всей аргументации Шахматова по данному вопросу. Это обстоятельство очень часто не принималось во внимание оппонентами Шахматова, полемизировавшими с ним по поводу той или иной работы вне ее связи с другими. Кроме того, публикуя то или иное исследование, Шахматов не редко приводил лишь часть своей аргументации, и только из последующих работ его становилось ясным, какой огромный запас наблюдений и доказательств находился в его распоряжении.

Бывало и так, что в своих последующих работах Шахматов значительно сокращал аргументацию; так, например, в его большой работе «Разыскания о древнейших летописных сводах» (СПб., 1908)¹² опубликованы далеко не все его наблюдения, касающиеся древнейшего русского летописания. Только после издания его подготовительной, черновой рукописи по русскому летописанию, в которую он «для себя» заносил различные сведения о летописных сводах и об их отношении к Повести временных лет, стало ясным, как много из его доказательств и наблюдений не приводилось им в прижизненных изданиях его работ.

Несмотря на огромную власть обобщающей мысли, Шахматов был чужд предвзятых обобщений. Обобщения Шахматова росли органически, одновременно с накоплением им фактического материала. Факты и система, наблюдения и обобщения всегда находились у Шахматова в неразрывной связи. Ни анализ синтезу, ни синтез анализу не предшествовали друг другу в работе Шахматова. Работая над частями, Шахматов всегда имел в виду целое, так же точно, как работая над целым, держал в сознании всю сумму частных фактов. Выводы и аргументация сочетались у Шахматова в едином росте, развивались параллельно. Он строил свои выводы в процессе изучения летописного материала и материал не ограничивал его выводов, как это часто бывает у многих ученых, а наоборот, углублял и детализировал его построения.

Именно поэтому Шахматов всегда стремился к максимальному расширению всех известных ему фактов, неустанно углубляя свое знакомство с рукописными фондами и постоянно вводя в научный оборот новые неизвестные дотоле летописные списки.

Шахматов первый указал на необходимость изучения всей наличности летописей, как поздних, так и ранних. Успех работы Шахматова объяснялся именно тем, что он привлекал к исследованию все известные ему летописные тексты, подвергал изучению и объяснению целиком весь текст каждого летописного списка, стремился к восстановлению памятника не по частям, а опять таки всего от начала и до конца. Сам Шахматов так аргументировал необходимость изучения всех списков памятника: «в истории литературы, — писал он, — переплетаются в самых разнообразных сочетаниях разные памятники, эволюционные цепи различных литературных произведений. Если следить только за одной из таких цепей, не принимая в расчет ни параллельных, ни перекрещивающих ее движений, то в результате могут получиться сплошные недоразумения»¹³.

Выдвинутые Шахматовым обобщения подвергались им не только частным доказательствам, но проверялись самой логикой их «внутренних соотношений, стройностью самой системы — теми взаимоотношениями, в которые вступали факты внутри созданных им концепций. Именно потому Шахматов не успокаивался в своих обобщениях, пока не достигал полной наглядности своих обобщений, пока все собранные им выводы не слагались в стройную картину целого. Стройность, наглядность, а главное, конкретность своих обобщений Шахматов считал равносильными

¹² Работа эта была издана под названием «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. (Л. 1938), в урезанном виде, без разделов о Повести временных лет (только первые 5 глав сохранили эти разделы).

¹³ Отзыв о сочинении С. К. Шамбиного: «Повести о Мамаевом побоище», Отчет о XII присуждении премий митр. Макария. СПб., 1910, стр. 84, 86.

их доказательству. Это прямо высказано им в самом начале одной из ранних его работ по летописанию: «Настоящее исследование,—писал Шахматов,—исходит из некоторых положений, которые пока не доказаны. Развитие этих положений, думаю, равносильно их доказательству»¹⁴. Именно отсюда идет стремление Шахматова подкреплять свои выводы наглядными сценами и реконструкциями.

Смелая задача дословного восстановления утраченных летописных и литературных памятников неоднократно увлекала Шахматова.

В работе 1904 г. «Сказание о призвании варягов» (ИОРЯС, 1904, кн. 4) А. А. Шахматов сделал попытку восстановить текст разных сказаний о призвании варягов. В работе 1908 г. «Житие Антония и Печерская летопись» (ЖМНП., 1898, № 3) А. А. Шахматов предпринял чрезвычайно смелую попытку восстановления состава и тенденции жития Антония Печерского, написанного в последней четверти XI в. и утраченного уже к XIV в. В работе того же года «Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись» (Известия отделения русского языка и словесности, ИОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 1) А. А. Шахматов дает восстановленный им текст предисловия Начального свода. В приложении к «Разысканиям о древнейших русских летописных сводах» (Летопись занятий Археологической комиссии, т. XIII, СПб, 1908) А. А. Шахматов издал реконструкции Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г. Наконец в 1916 г. А. А. Шахматов опубликовал весь реконструируемый им текст Повести временных лет по второй и третьей редакции с выделением особым шрифтом текста Начального свода 1095 г. (Повесть временных лет, т. I., Вводная часть. Текст. Примечания, П., 1916). В скором времени в шахматовском сборнике выйдет его реконструкция Киевского свода XII в. В архиве Академии Наук СССР находится его попытка реконструировать, «оживить» сгоревшую в 1812 г. Троицкую летопись (работа эта была закончена М. Д. Приселковым). Таким образом А. А. Шахматов дал не только детально (вплоть до отдельных списков) разработанную обобщающую схему развития русского летописания: он стремился к живому, «наглядному», реальному воспроизведению русского летописания во всей его сложности.

Не все из исследований Шахматова одинаковы по методу. Начав с чисто текстологических наблюдений¹⁵, Шахматов постепенно пришел к выводу о теснейшей связи летописания с политической жизнью русского народа и неуклонно, от исследования к исследованию, усиливал аргументацию своих выводов.

В начале своего изучения Повести временных лет Шахматов ограничивался данными текстов и выделил две редакции Повести. Лишь впоследствии Шахматов пришел к выводу, что каждая из этих редакций отразила в своем составе политические идеи различных партий, находилась в неразрывной связи с политической жизнью Киевской Руси. Анализ исторической жизни Киевской Руси конца XI—начала XII в. многое уточнил и изменил в предложенной им истории редакций Повести временных лет.

Уже в работе 1897 г. «Киевопечерский патерик и Печерская летопись»¹⁶ Шахматов прибегает к исторической аргументации, характеризует политическую деятельность и религиозные взгляды Изяслава Мстиславича.

¹⁴ Хронология древнейших русских летописных сводов, ЖМНП, 1897, № 4, стр. 453.

¹⁵ О начальном Киевском летописном своде, Чтения общества истории русских древностей (ОИДР), 1897, кн. 3 (182). Исходная точка летосчисления Повести временных лет, ЖМНП, 1897, № 3, Хронология древнейших русских летописных сводов» ЖМНП, 1897, № 4, Древнейшие редакции Повести временных лет, ЖМНП, 1897, № 10 и др.

¹⁶ ИОРЯС, т. II, 1897, кн. 3.

С течением времени Шахматов все усиливал историческую сторону своих исследований. Он выяснял исторические предпосылки составления летописных сводов, указывал цели и движущие политические идеи их создателей.

Особенно резко этот исторический подход сказался в первой большой обобщающей работе Шахматова 1900—1901 гг. «Общерусские летописные своды XIV—XV веков»¹⁷. Тонкий анализ политической идеологии митрополичьей кафедры и состава московских летописных сводов позволил Шахматову установить тесную связь между объединением Руси и появлением общерусских по своему содержанию летописных сводов. «Цель настоящей статьи,—писал Шахматов,—объяснить указанный характер древнейших московских летописных сводов и поставить его в действительную связь с идеями и интересами своевременной им эпохи»¹⁸.

В работах последних лет Шахматов заявляет себя первоклассным историком и не только пользуется историческими фактами для своих построений, но дает новое, подчас разрушающее старое, представление о политической жизни Руси. Именно этой своей стороной работы Шахматова вызвали к жизни ряд исторических исследований¹⁹.

В изучении русских летописей, как и в изучении истории русского языка, Шахматов с годами все более и более становился историком русского народа. Не случайно в последние годы Шахматов работал для предполагавшегося на английском языке издания «Истории России» под редакцией А. С. Лаппо-Данилевского.

По-новому освещая летописный памятник, Шахматов одновременно по-новому же освещал не только его историческое содержание, но и сопряженные с ним события и лица эпохи.

Шахматов впервые в своих работах дал грандиозную историю русского летописания. Эта история представляла собой генеалогию почти всех сохранившихся до наших дней летописных списков. Однако вместе с тем история русского летописания была в работах Шахматова и историей русской исторической мысли, историей русского общественного самосознания. Благодаря этому изучение истории летописания обогатило историческую науку новыми историческими показателями. Изучение происхождения тех или иных летописных записей позволяло прочесть в них много такого, что ускользало до тех пор от внимания историков.

В начале своего доклада я указал на то, что, несмотря на более чем столетнее изучение русских летописей, только с работами Шахматова исследование летописания стало на научный путь. И действительно, выводы Шахматова, его отдельные наблюдения, самый метод стали отправным пунктом для всех изучающих русское летописание. Если строили новые концепции, то делали это, отталкиваясь от концепций Шахматова, если занимались отдельными отраслями летописания, то по преимуществу теми, которые были обойдены исследованием Шахматова—восполняя, следовательно, его построение и опираясь на его выводы.

Метод Шахматова получил развитие главным образом в работах его последователя М. Д. Приселкова. М. Д. Приселков развил и продолжил тенденцию к историческому подходу к летописанию в работах Шахматова. Это особенно касается его «Истории русского летописания XI—XV в.», где создание каждого свода объяснено в тесной связи с исторической обстановкой своего времени. Усилена в работах М. Д. Приселкова и исто-

¹⁷ ЖМНП, 1900, №№ 9 и 11, 1901, № 11.

¹⁸ ЖМНП, 1900, № 9, стр. 91.

¹⁹ М. Д. Приселков, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., СПб., 1913; В. А. Пархоменко, Начало христианства в Руси. Полтава, 1913, А. Е. Пресняков, Княжое право. Спб., 1909.

рико-литературная сторона метода Шахматова, что в значительной степени нейтрализовало дробность наблюдений над текстом, неизбежно проистекающую из приемов подхода к летописи не как к целому, а как к «своду» (я имею в виду ту особенность метода Шахматова, которая акад. Б. Д. Грековым была удачно названа «вивисекцией» текста). В работе М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» рассеяны многочисленные, по большей части краткие, но очень веские замечания, касающиеся стиля, а иногда и языка тех или иных сводов²⁰.

М. Д. Приселков в своих работах по летописанию отступил, однако, от некоторых весьма важных принципов метода Шахматова. Выводы свои М. Д. Приселков обычно строит не на сплошном изучении текста всех списков, а всегда на немногих отдельных наблюдениях. От этого происходит даже самая разница в объеме работ, обширных у Шахматова и сжатых, энергично насыщенных выводами у М. Д. Приселкова. Однако то, что было выше названо мной большим объемом сознания Шахматова, постоянное привлечение им всех списков, всего текста, всех фактов для построения выводов, также не забылось. Эта сторона метода Шахматова была подхвачена в исследованиях А. Н. Насонова, выводы которого (хотя бы в отношении псковского летописания) строятся на привлечении всех списков и генеалогические построения которого опять-таки доводятся до всех списков.

Необходимо отметить, что работами Шахматова и Приселкова не были охвачены те памятники русского летописания, которые находились вне основного русла русского летописания (псковские летописи, летопись Галицко-волинская, тверское летописание, отчасти новгородское) и памятники летописания позднего времени (XVI—XVII вв.). Поэтому усилия современных исследователей летописания направляются главным образом в эту сторону. Н. Ф. Лавров исследовал русское летописание XVI в²¹, А. Н. Насонов исследует тверское летописание²² и летописание Пскова²³, Л. В. Черепнин изучает летописание галицкое²⁴ и летописи первой половины XVII в²⁵, М. Н. Тихомиров исследовал и опубликовал большое число летописных памятников XVI—XVII веков.

Таким образом вся новая наука о летописании, отталкиваясь или присоединяясь, строится на работах Шахматова, исходит из них. Все это и позволяет говорить об нем, как об основоположнике науки о русском летописании.

²⁰ Такова, например, характеристика стиля языка Владимирского свода 1212 г. (История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 86) См. также его исследование о Лаврентьевской летописи (Ученые записки Лен. Гос. университета, № 32, серия исторических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 111, 120, 121, 124 и др.).

²¹ Заметки о Никоновской летописи. Летопись занятий Постоянной историко-археологической комиссии, 1 (XXXIV), 1926.

²² Летописные памятники Тверского княжества. Известия АН СССР, 1930, №№ 9 и 10, Летописные своды Тверского княжества. Доклады АН СССР, 1926.

²³ «Псковские летописи», вып. 1, М.—Л., 1941. «Из истории псковского летописания», Исторические записки, № 18, М., 1946.

²⁴ Летописец Даниила Галицкого. Исторические записки, М., 1940, № 12.

²⁵ «Смута» и историография XVII в. (из истории древнерусского летописания). Исторические записки, № 14, М., 1945 г.